

Первая любовь — эпизод 15 из 25

Не нашел я вам верховой лошади, смирной, заговорил он суровым голосом, Фрейтаг мне ручается за одну да я не уверен. Боюсь.

Чего же вы боитесь, спросила Зинаида, позвольте спросить?

Чего? Ведь вы не умеете ездить. Сохрани бог, что случится! И что за фантазия пришла вам вдруг в голову?

Ну, это мое дело, мсьё мой зверь. В таком случае я попрошу Петра Васильевича... (Моего отца звали Петром Васильевичем. Я удивился тому, что она так легко и свободно упомянула его имя, точно она была уверена в его готовности услужить ей).

Вот как, возразил Беловзоров. Вы это с ним хотите ездить?

С ним или с другим это для вас всё равно. Только не с вами.

Не со мной, повторил Беловзоров. Как хотите. Что ж? Я вам лошадь доставлю. Да только смотрите, не корову какую-нибудь. Я вас предупредю, что я хочу скакать.

Скачите, пожалуй... С кем же это, с Малевским, что ли, вы поедете?

А почему бы и не с ним, воин? Ну, успокойтесь, прибавила она, и не сверкайте глазами. Я и вас возьму. Вы знаете, что для меня теперь Малевский фи! Она потрянула головой.

Вы это говорите, чтобы меня утешит, проворчал Беловзоров.

Зинаида прищурилась.

Это вас утешает?... О... о... о... воин! сказала она наконец, как бы не найдя другого слова. А вы, мсьё Вольдемар, поехали ли бы вы с нами?

Я не люблю... в большом обществе... пробормотал я, не поднимая глаз.

Вы предпочитаете tte--tte?...1 Ну, вольному воля, спасенному... рай, промолвила она вздохнувши. Ступайте же, Беловзоров, хлопчите. Мне лошадь нужна к завтрашнему дню.

Да; а деньги откуда взять? вмешалась княгиня.

Зинаида наморщила брови.

Я у вас их не прошу; Беловзоров мне поверит.

Поверит, поверит... проворчала княгиня и вдруг во всё горло закричала: Дуняшка!

Мапан, я вам подарила колокольчик, заметила княжна.

Дуняшка! повторила старуха.

Беловзоров откланялся; я ушел вместе с ним. Зинаида меня не удерживала. с глазу на глаз? (франц.).

На следующее утро я встал рано, вырезал себе палку и отправился за заставу. Пойду, мол, размыкаю свое горе. День был прекрасный, светлый и не слишком жаркий; веселый, свежий ветер гулял над землею и в меру шумел и играл, всё шевеля и ничего не тревожа. Я долго бродил по горам, по лесам; я не чувствовал себя счастливым, я вышел из дому с намерением предаться унынию, но молодость, прекрасная погода, свежий воздух, потеха быстрой ходьбы, нега уединенного лежания на густой траве взяли свое: воспоминание о тех незабвенных словах, о тех поцелуях опять втеснилось мне в душу. Мне приятно было думать, что Зинаида не может, однако, не отдать справедливости моей решимости, моему героизму... Другие для нее лучше меня, думал я, пускай! Зато другие только скажут, что сделают, а я сделал! И то ли я в состоянии еще сделать для нее!.. Воображение мое заиграло. Я начал представлять себе, как я буду спасать ее из рук неприятелей, как я, весь облитый кровью, исторгну ее из темницы, как умру у ее ног. Я вспомнил картину, висевшую у нас в гостиной: Малек-Аделя, уносящего Матильду, и тут же занялся появлением большого пестрого дятла, который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и с беспокойством выглядывал из-за нее, то направо, то налево, точно музыкант из-за шейки контрабаса. Потом я запел: Не белы снеги и свел на известный в то время романс: Я жду тебя, когда зефир игривый; потом я начал громко читать обращение Ермака к звездам из трагедии Хомякова; попытался было сочинить что-нибудь в чувствительном роде, придумал даже строчку, которой должно было заканчиваться всё стихотворение: О, Зинаида! Зинаида!, но ничего не вышло. Между тем наступало время обеда. Я спустился в долину; узкая песчаная дорожка вилась по ней и вела в город. Я пошел по этой дорожке... Глухой стук лошадиных копыт раздался за мною. Я оглянулся, невольно остановился и снял фуражку: я увидел моего отца и Зинаиду. Они ехали рядом. Отец говорил ей что-то, перегнувшись к ней всем станом и опершись рукою на шею лошади; он улыбался. Зинаида слушала его молча, строго опустив глаза и сжавши губы. Я сперва увидал их одних; только через несколько мгновений, из-за поворота долины, показался Беловзоров в гусарском мундире с ментиком, на опененном вороном коне. Добрый конь мотал головою, фыркал и плясал: всадник и сдерживал его и шпорил. Я посторонился. Отец подобрал поводья, отклонился от Зинаиды, она медленно подняла на него глаза и оба поскакали... Беловзоров промчался вслед за ними, гремя саблей. Он красен, как рак, подумал я, а она... Отчего она такая бледная? ездил верхом целое утро и бледная?

Я удвоил шаги и поспел домой перед самым обедом.